

Поверх барьеров: трансформация языковых стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг.

Белова Ольга Владиславовна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5221-9424

Цитирование

Белова О. В. Поверх барьеров: трансформация языковых стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 205–226.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

Статья поступила в редакцию 14.02.2024.
Рецензирование завершено 15.02.2024.
Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу языковой ситуации на этнокультурном пограничье, каковым в 1920–1930-е гг. оказалась территория Смоленской губернии и (с 1929 г.) Западной области СССР, включавшая в свой состав территории, относившиеся ранее к Смоленской, Брянской, Калужской, Тверской губерниям. Этот регион, граничащий на западе с Белоруссией, всегда отличался многообразием этнических, конфессиональных и культурных традиций. В статье рассматриваются этноязыковые стереотипы, бытовавшие в русско-белорусско-польской среде, их трансформация под влиянием государственной политики (изменение административных границ, процессы русификации, белорусизации); отдельного внимания заслуживает ситуация с языком идиш, складывавшаяся в западных районах Смоленщины и в восточной Белоруссии. Для населения пограничных регионов язык является важнейшим этнокультурным маркером и способом (само)идентификации, что отражается в народных представлениях о разном статусе разных языков, в выборе языка общения и образования, в межъязыковом

взаимодействии (лексические заимствования). В рассматриваемый хронологический период рефлексия населения, выражавшаяся в форме высказываний и нарративов о своем и чужом языке, становилась объектом внимания партийных органов и органов государственной безопасности, что нашло отражение в секретных документах соответствующих структур. Статья основана на материалах из Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), отражающих различные аспекты языкового, этнического и конфессионального взаимодействия представителей различных этнокультурных традиций на территории Смоленской губернии и Западной области СССР.

Ключевые слова

Этнологические стереотипы, русский язык, белорусский язык, польский язык, идиш, лингвистическая аккультурация, этнокультурное пограничье.

Состояние поликультурной среды регионов, находящихся на стыке нескольких культурных традиций, в ранний советский период представляет особый интерес для этнолингвистических и лингвоареальных исследований, поскольку эти годы явились переломными в географическом и социально-политическом отношении, что и отразилось на местной языковой ситуации.

Исторически в «пограничных» регионах основными маркерами самоидентификации населения являлись язык и конфессия; эти понятия становились базовыми при формировании представлений о «своем» и «чужом» языке, влияли на восприятие и освоение языка этнических соседей и были аксиологически значимыми в этнокультурном диалоге. Отражая опыт многовекового соседства, ментальность фронта языковыми средствами передавала традиционные стереотипы, относящиеся к сфере «своего» и «чужого»; таким образом, взаимодействие инокультурных традиций происходило через сферу освоения языкового пространства этнических соседей, а свой язык, как и язык соседей, выступал средством коммуникации и стереотипизации¹. При этом ментальные карты, сформированные массовым

1 См.: Белова О. В., Мороз А. Б., Ясинская М. В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М., 2023. С. 5–14, 16–28.

сознанием разных этнических групп, разнились в пределах одного географического пространства².

В 1920–1930-е гг. таким географическим и ментальным пограничьем оказалась территория Смоленской губернии и (с 1929 г.) Западной области СССР, включавшая в свой состав территории, относившиеся ранее к Смоленской, Брянской, Калужской, Тверской губерниям. На фоне изменений политического строя и административных границ (образование советских республик и областей) происходило перекраивание исторически сложившегося культурного пространства, в котором сосуществовали разные этнические, конфессиональные и языковые традиции. В этом контексте особый интерес представляет отражение языковых процессов в массовом сознании, выражавшееся в том числе в нарративах, бытовавших в крестьянской и городской среде и зафиксированных в секретных документах политических структур и органов государственной безопасности.

В основу статьи положены материалы 1920–1930-х гг., отложившиеся в фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и отражающие различные аспекты языкового, этнического и конфессионального взаимодействия представителей различных этнокультурных традиций на территории Смоленской губернии и Западной области СССР. Рассматриваются традиционные и новые этноязыковые стереотипы, механизм взаимодействия разных языковых традиций.

На перекрестке традиций

В рассматриваемый период регион претерпевал неоднократные административные преобразования. В начале 1920-х гг. шло определение границы между РСФСР и БССР. В 1922–1924 гг. часть районов Витебской и Могилевской губерний были переданы в Смоленскую губернию. В 1924 и 1926 г. части Витебской (с Витебском), Смоленской (с Оршей), Гомельской (с Гомелем) губерний были переданы от РСФСР в состав БССР.

Слухи об изменении границ активно циркулировали среди населения.

² См.: *Левин В.* Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М., 2018. С. 17, 21–22.

Согласно документам Рославльского уездного городского комитета РКП(б), в Епишевской волостной коммунистической ячейке в январе 1921 г. обсуждался слух, что есть намерение власти «присоединить Смоленскую губернию к Белоруссии»³; Жарнинская волостная коммунистическая ячейка в ноябре и декабре 1921 г. докладывала «о переходе Смоленской губернии Польше. [...] проданы Камчатка и рудники японцам и американцам»⁴.

15 января 1924 г. на заседании Мстиславского уездного комитета РКП(б) обсуждался вопрос о присоединении части Мстиславского уезда к Белоруссии, что вызвало протестное мнение: «По бытовым условиям и экономическому тяготению Мстиславский уезд не принадлежит к Белоруссии, хотя имеющий не большой % белоруссов, которые окончательно потеряли свой белорусский облик»⁵. Проблема разграничения «великорусских» и «белорусских» районов вставала и позднее.

В Отчете Смоленского губисполкома Отделу национальностей ВЦИКа о работе среди национальных меньшинств за 1928 г. сообщается:

В отношении белорусской национальности нужно сказать, что учет ее произведен далеко не точно, так как ряд районов, населенных ими и великорусами, во время проведения переписи механически был причислен к великорусским районам [...] сами белорусы безразлично относятся к своей национальности и многие из них окончательно обрусели и совершенно не знают родного языка⁶.

3 ГАНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 310 (Рославльский угорком РКП(б), Информационные доклады о политическом настроении населения в волостях). Л. 49. Здесь и далее тексты архивных документов приводятся в соответствии с орфографией оригинала.

4 Там же. Л. 58–58 об.

5 ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942 (Ежедневные сводки ЧОН, ГПУ и других органов о политическом положении в губернии). Л. 356.

6 Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 годы. Документы и материалы / отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск, 1994. С. 145–146. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 194. Л. 17–26. См. также заметку в газете «Рабочий путь» от 22 июня 1930 г. о необходимости создания в Смоленске белорусского клуба, поскольку «после каждой демобилизации многие из белорусов остаются здесь в Смоленске и постепенно забывают свой родной язык» (Судьбы национальных меньшинств... С. 178).

Какие это возымело последствия в этноязыковом аспекте, будет сказано далее. Начать же следует с отношений с ближайшим «несоветским» западным соседом, влиявшим на состояние умов населения пограничья, – Польшей.

Польская «экспансия»

Во второй половине 1920-х гг. обсуждались и территориальные уступки СССР Польше в связи с возможным военным конфликтом. В «Обзоре политического состояния СССР за июнь 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления)» в качестве фактов активизации кулачества и других антисоветских элементов приводится следующая информация:

Белоруссия. 1 июня. В Оршанском округе бывший помещик агитирует: «При советской власти нет никакого порядка. Коммунисты – безбожники и скоро придет время, когда их уничтожат. Уже началась война Белоруссии с Польшей и поляками забран Минск. Поляки признают бога и не имеют никакой коммуны, и им живется много лучше, чем здесь». [...] В этом же округе бывший управляющий имением агитирует: «Война неминуема, так как империалисты окрепли и хотят большевиков задавить, потому что, чем дальше, тем больше распространяется большевистская зараза. С началом войны будет конец еврейскому господству над мужиком, советское правительство пойдет на уступки и отдаст Белоруссию и часть Украины Польше»⁷.

Годом позже в «Обзоре политического состояния СССР за май 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления)» сообщалось о настроениях на территории пограничных с Польшей районов Белоруссии и Украины:

Среди польского кулачества Белоруссии и Украины довольно часты случаи проявления шовинистических настроений. Эти настроения выражаются преимущественно в разговорах о приходе «пана Пилсудского», о поражении Советского Союза в случае войны с Польшей и т. п. Характерны также следующие факты, наблюдавшиеся в Белоруссии. Группа зажиточных двух хуторов Запольского

⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 456.

сельсовета Минского округа, высказываясь против белорусских школ, с целью изучения истории Польши, польского языка и закона божьего наняла специальную учительницу, которая ежедневно проводит занятия с их детьми; в этом же округе в одном из сел группа кулаков во время устроенной пьянки распевала польский гимн «Еще Польша не сгинэла». [...] Польское духовенство активно противодействует общественной и культурно-просветительной работе на селе, агитируя против комсомольских и женских организаций, изб-читален и т. п. В Полоцком округе ксендз отказывает в исповеди женщинам, состоящим делегатками, принуждая их этим сдавать делегатские карточки. Используя свое влияние на польское население, духовенство выступает за религиозное воспитание детей, и отмечены факты, когда под влиянием ксендзов организуются детские группы для изучения катехизиса (Бобруйский округ). Оно же распространяет слухи о «скором приходе Пилсудского». В Мархлевском районе Волинского округа среди польского населения в значительном количестве распространялся молитвенник религиозно-шовинистического содержания, призывающий «польский люд к освобождению Польши, поддержанию религии, королевства и развитию его мощи до границ 1772 года». В молитвеннике помещены польский герб, текст присяги для польских солдат, обращение к ним и молитва для них⁸.

Как видим, националистические призывы к свержению советской власти подкреплялись и «языковым фактором» – изучением польского языка в рамках негосударственного образования и распространением текстов на польском языке (гимн, молитвы).

В связи с текучестью административных границ, с одной стороны, и созданием на Смоленщине национальных коммун, колхозов, школ – с другой, языковой вопрос в многонациональной среде вставал довольно остро. Показательно отношение к родному языку разных этнических групп населения, зафиксированное в документе 1928 г.:

Евреи в городах, за исключением бедноты, относятся к школе на родном языке резко отрицательно, что не мешает им, конечно, содержать для своих детей древнееврейских учителей, меламедов и других.

8 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 6. 1928 г. М., 2002. С. 277–278.

Отношение еврейского населения местечек к школе на родном языке хорошее, что показывает помощь со стороны комсодов⁹ школам. Белорусское население в большинстве случаев относится индифферентно. Бывают случаи активного противодействия организации школ на родном языке.

Польское население всячески скрывает свою национальность, что объясняется боязнью, чтобы их не выслали из пределов Смоленской губернии, как прифронтовой полосы. Это, однако им не мешает нанимать учителей своим детям для изучения польского языка. Учебники для нацменьшкoл, во-первых, отсутствуют в достаточном количестве для всех национальностей, во-вторых, они в 1½–2 раза дороже русских учебников и, в-третьих, они не совсем соответствуют своему назначению. Не приспособлены к программам ГУСа¹⁰. Существуют множество орфографий среди еврейских учебников. Отсутствует краеведческий материал в них и прочее¹¹.

Русско-белорусское языковое пограничье

Как было отмечено выше, разделение на русские («великорусские») и белорусские районы Западной области было условным и в значительной мере формальным. Это порождало казусы, в которых не последнюю роль играл языковой фактор.

24 ноября 1929 г. в Рославльский окружной отдел народного образования (ОКРОНО) было направлено заявление жителей д. Полицкое Шумячского района о преподавании предметов на русском языке в местной школе за подписями 13 участников родительского собрания. В заявлении говорилось, что школа в деревне была организована усилиями местных жителей в 1926 г., но «со второго года существования школы преподавать в ней стали на белорусском языке, тогда как население деревни поголовно великорусы» и именно из-за белорусского языка ученики школу посещали неохотно. Далее следовал ультиматум:

9 Комсод – комиссия содействия кредиту и сберегательному делу.

10 Образовательные программы, созданные Государственным ученым советом и предполагавшие комплексное построение учебных программ для школ первой и второй ступени (1923–1925 гг.).

11 Судьбы национальных меньшинств... С. 142–143. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4514. Л. 90 (Сведения Губоно о сети политпросветучреждений).

Усиленно просим окроно отменить преподавание в школе на белорусском языке, заменив его великорусским, в противном случае мы категорически заявляем, что в сем году не пошлем в школу ни одного ребенка¹².

В 1935 г. ситуация в Шумячском районе снова привлекла внимание. В пояснительной записке к сведениям о белорусских школах Шумячского района отмечалось, что преподаватели русских школ, прослушав в Минске одномесячные курсы по подготовке учителей для белорусских школ, вернулись в свои русские школы и

...начали переводить занятия на белорусский язык, насаждать белорусские школы. Проходило это при большом сопротивлении окружающего русского населения, но началось обучение детей белорусскому языку. В Шумячском районе белорусского населения нет, и разговорный язык чисто русский. В настоящее время белорусские школы фактически занятия проводят на русском языке. Не раз население, окружающее белорусские школы, возбуждало вопрос о закрытии занятий на белорусском языке, так как дети его совершенно не понимают, а это обстоятельство привело к низкой грамотности учащихся белорусских школ¹³.

С 1925 г. в западных районах Западной области, граничащих с Белоруссией, в частности в Руднянском, активно проводилась политика белорусизации школ. Однако, как следует из справки по обследованию белорусских школ Руднянского района (начало июня 1934 г.),

...к определению детского контингента, подлежащего обучению на белорусском языке, как на родном языке, отнеслись без должного изучения и учета требований населения. В результате были открыты белорусские школы в таких пунктах, где разговорный язык населения ничем не отличается от разговорного языка населения, живущего в окружении русских школ. [...] К белорусизации

12 Судьбы национальных меньшинств... С. 166. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 2. Д. 46. Л. 115.

13 Судьбы национальных меньшинств... С. 291. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 271. Л. 257.

школ часть населения отнеслась пассивно, а большинство хотело, чтобы их дети учились в русских школах¹⁴.

В этот же период в Белоруссии на фоне проводимой властью политики белорусизации (1924–1928 гг.)¹⁵, предполагавшей расширение употребления белорусского языка в общественно-политической и культурной жизни республики, разворачивались свои коллизии. Наиболее «русифицированными» в плане самоидентификации и языкового выбора жителей считались Витебский и Полоцкий округа, что порождало «языковые конфликты».

В Спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ о шовинистических и националистических проявлениях в БССР от 16 марта 1932 г. представлены следующие факты:

Профессор Витебского ветинститута Ламский говорит, что «не может перевести свой предмет на белорусский язык, т. к. нет соответствующей научной терминологии». Там же проф. Знаменский заявляет: «Будем белоруссифицироваться до второго пришествия», а проф. Зарецкий считает, что «для изучения им белорусского языка у него времени нет».

Витебск. Политехникум. Преподаватель Гришук требует от студентов перевода белорусских слов на русский язык, заявляя, что научную терминологию переводить на белорусский язык нельзя, т. к. теряется всякий смысл, что белорусский язык создан для крестьянства.

Руководитель Витебской теплотехнической лаборатории Политехникума по вопросу белоруссизации заявил: «Лучше пошлите в Соловки, но не буду изучать белорусского языка».

В Могилеве инженер Фрайман при проверке знаний белорусского языка в горсовете заявил: «Белорусского языка не знаю и знать его не хочу. Никто не заставит меня изучать белорусский язык, а если государство хочет, чтобы я его знал, то пусть наймет мне учителя в рабочее время».

Минск. 80 % студентов Промстройтехникума не знают белорусского языка, который не изучается ни на одном курсе. Записи ведутся на русском языке, вопросы, задаваемые на белорусском языке,

14 Судьбы национальных меньшинств... С. 273–274. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 271. Л. 245–246.

15 См.: *Левин В.* Смоленщина... С. 27; *Зельцер А.* Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006. С. 280–281.

просят переводить на русский. Белорусский язык считают «выдуманым», а отдельные студенты заявляют, что никакие репрессии не вынудят заниматься белорусским языком.

В Витебске имел место случай, когда городской доктор выдал справку школьнику, удостоверяющую, что, по состоянию своего здоровья, последний подходит только к русской школе и белорусскую школу посещать не может¹⁶.

В этом документе обращает на себя внимание определение более низкого по сравнению с русским языком статуса белорусского языка («выдуманный» язык), «создан для крестьянства»). Этот стереотип (русский язык – язык высокой письменной и книжной культуры; белорусский – язык недостаточно развитой крестьянской культуры) демонстрировал крайнюю устойчивость и впоследствии. Такое распределение статусов языков отразилось и в неславянской среде. Для части еврейского населения Белоруссии показателем лингвистической аккультурации при выборе между русским и белорусским как языком обучения становился выбор в пользу русского языка и русской школы, которая открывает лучшие перспективы для дальнейшего образования и социального продвижения. В 1927 г. один белорусский местечковый еврей высказал мнение: «Если бы была русская школа, я бы не послал своего сына в еврейскую школу, но так как нет, то лучше пусть идет в еврейскую, чем в белорусскую»¹⁷.

Между русским и белорусским: выбор для носителей идиша

Целый ряд особенностей отмечается для ситуации с бытованием еврейского языка. Идиш – разговорный язык еврейского населения местечек русско-белорусского пограничья – по-прежнему удерживал свои позиции (часть районов Западной области до 1917 г. входила в так называемую черту оседлости). В советское время активно (особенно в среде учащейся молодежи и работников партийных и государственных организаций) набирал обороты процесс русификации, что нашло отражение в партийных документах. При этом отмечалось,

16 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 10. 1932–1934 гг. Ч. 1. М., 2017. С. 398–400.

17 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 288.

что еврейский язык в ряде случаев следует вернуть – например, в систему агитационной работы среди населения.

Протокол Первой городской конференции еврейских комсомольцев от 25 декабря 1927 г., проходившей в г. Рославле, зафиксировал следующие высказывания: «тов. Герман: Работу среди еврейской молодежи нужно вести на родном языке, но не на литературном еврейском языке, потому что последний не понятен нашей молодежи¹⁸. [...] тов. Рабинович: Необходимо каждому комсомольцу изучить еврейский язык. [...] тов. Хенох: ...заставить актив еврейских комсомольцев, чтобы они изучили еврейский язык, потому что они должны вести за собою всю остальную еврейскую молодежь»¹⁹.

Из документа следует, что выступающие ратуют за распространение именно идиша (как языка еврейского пролетариата), которым коммунистическая молодежь не всегда владела на должном уровне. Вопрос с ивритом (древнееврейским языком) – в документе он назван «литературным еврейском языком» – в этой дискуссии не стоит: язык религии должен быть отринут как чуждый «новой культуре».

Для сравнения обратимся к свидетельствам того же периода из Белоруссии, где языковая ситуация была принципиально иной. С 1927 по 1937 г. в БССР, согласно Конституции, была закреплена государственность четырех языков основных этнических групп населения, живших на территории республики: белорусского, русского, польского и идиша. В статье 21 Конституции БССР, принятой 11 апреля 1927 г., для граждан провозглашалось право «свободного

18 Дискуссия проходила в русле актуальной для 1920-х гг. полемики гебраистов и идишистов о соотношении литературного еврейского языка (иврита) и идиша. Гебраисты считали, что национальная культура и национальное образование могут существовать только на иврите (ср. распространявшееся с XIX в. изначально пейоративное обозначение идиша как еврейского «жаргона»). С точки зрения идишистов, идиш мог обрести статус общенационального еврейского языка. В первые годы существования СССР идиш как «язык еврейских пролетариев» получил поддержку советской власти (организация на местах наряду с другими национальными секциями Еврейских секций ВКП(б), образование, печать на идише). См. также: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 293–294.

19 ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 612. Л. 73, 74. О механизмах языкового выбора в культурной и образовательной сферах для еврейского населения русско-белорусского пограничья (идиш – русский – белорусский) см.: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 285–298.

пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни», право обучения на родном языке, устанавливалось «полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков»; согласно статье 23, важнейшие законодательные акты публиковались на белорусском, еврейском, русском и польском языках²⁰.

Согласно архивным данным соседствующей со Смоленщиной Витебской области, среди местного славянского населения подобное «равноправие» языков вызывало противоречивую реакцию.

Введение идиша в работу учреждений могло усилить у окружающего населения общее негативное восприятие «чужого» языка. Раздражение вызывал сам разговор на идише: «Все они на своем языке лопочут»²¹. В письме в ЦК ВКП(б) о росте антисемитизма в Витебске секретарь евсекции²² Витебского окружкома комсомола указывал в 1927 г. на высказываемое недовольство использованием идиша в повседневной жизни: «Жиды, жиды, разговаривают все по-жидовски. По-русски надо говорить, а не по-жидовски»²³. В 1926 г. среди кустарей местечка Чашники возникли принципиальные разногласия: кустарь-нееврей, получив отказ на свое требование проводить собрание по-русски, в знак протеста покинул собрание. Наиболее радикально настроенная часть кустарей заявила, что ради нескольких неевреев они не намерены переходить на трудный для них русский: «Должны ли мы из-за них ломать себе язык?»²⁴ В 1930 г. на витебской фабрике «Профинтерн» во время выступления представителя газеты «Дер Эмес» семеро рабочих-белорусов

20 Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск, 1927. В тексте Конституции БССР, принятой 19 февраля 1937 г., статья о государственности четырех языков уже отсутствует, в статье 25 говорится лишь о том, что «законы, принятые Верховным Советом БССР, публикуются на белорусском, а также на русском, польском и еврейском языках» (Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1937).

21 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 215.

22 Евсекция, аббр. от Еврейская секция – название еврейских коммунистических секций ВКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями при ВКП(б), а также при компартиях Украины (КП(б)У) и Белоруссии (КП(б)Б). Главной задачей этих национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии в среде национальных меньшинств на их родном языке и вовлечение их в строительство социалистического общества.

23 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 215–216.

24 Там же. С. 216.

в знак протеста покинули собрание, несмотря на заверения о переводе выступления после завершения доклада²⁵.

Случаи, зафиксированные в источниках 1929 г., демонстрируют живое бытование взаимного стереотипа о «хитрости» этнических соседей, благодаря которой они получают материальные блага. Уборщица фармацевтической лаборатории просила евреев научить ее говорить на идише, полагая, что этим она облегчит себе проблемы с продовольствием: «Евреям дают больше хлеба, чем русским, и если бы я умела по-еврейски говорить, то меня приняли бы за еврейку и дали бы больше хлеба». У евреев существовала убежденность, что «гой за гою тянет» (т. е. неевреи всемерно способствуют успеху других неевреев исходя из их общей этнической принадлежности). Аналогичные высказывания можно было услышать в отношении евреев: «Жид за жида тянет, жидам все можно»²⁶.

По наблюдению А. Зельцера, в этот период в русско-белорусской среде на Витебщине бытовали этнические эвфемизмы, восходящие к лексике идиша: «Слова “жид”, “жидовская морда”²⁷, вместо которых иногда использовались эвфемизмы “пархандалы”²⁸, “гармидары” (разг. белорусс. – кавардак, ералаш)²⁹ и пр., получили распространение в городской среде и местечках среди взрослых, включая коммунистов и комсомольцев, подростков и детей»³⁰.

25 Там же.

26 Там же. С. 209.

27 В рассматриваемый период среди части населения было распространено мнение, что в условиях Белоруссии термин *жыд* не ассоциировался с оскорблением евреев (ср. укр. *жид*, пол. *żyd*), воспринимался как легитимный этноним. Вместе с тем Белорусский ЦК партии в середине 1920-х гг. издал специальную директиву о запрещении использования слова «жид», и любое появление этого термина (даже в русско-белорусском словаре) расценивалось евсекцией как грубое нарушение национальной политики, см.: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 389–390.

28 Ср. бел. диал. *пархаты* ‘паршивый’, бывш. Кузнецовский р-н Витебской обл. (*Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы). Віцебск, 1927 (переиздание – Менск, 2011). С. 231); *парх, пархуцька* ‘паршивец’, Червенский р-н Минской обл., д. Старино (Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / улажыў М. В. Шатэрнік. Менск, 1929. С. 204).

29 Ср. бел. диал. *гармідар* ‘шум, тревога, содом’, Сиротинский, Сенненский р-ны Витебской обл. (*Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік. С. 77); *гармідар* ‘шум, беспорядок’, Червенский р-н Минской обл., д. Старино (Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. С. 65).

30 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 217.

Еврейская сторона не оставалась безответной. Как отмечает А. Зельцер, евреи Витебска, полагавшие свой язык «закрытым» для этнических соседей, зачастую использовали по отношению к неевреям имевшие негативный оттенок слова типа «гой», «фоня»³¹ (нееврей), «шиксе» (молодая нееврейка), «шейгец» (молодой нееврей) несмотря на то, что неевреи, выросшие в еврейском окружении, неплохо понимали идиш и такие высказывания вызывали их недовольство³².

Аналогичная ситуация складывалась на Смоленщине. 14 февраля 1929 г. губернский комитет ВЛКСМ направил во все национальные ячейки ВЛКСМ Смоленской губернии обращение нацменинструктора ГК ВЛКСМ тов. Рабиновича с информацией о фактах антисемитизма и еврейского шовинизма. В документе содержался призыв «проводить усиленную борьбу с бытовым пренебрежительным отношением к не евреям, как клички “гой” и др., разоблачая их путем устройства товарищеских общественных судов и т. п.»³³.

Как показывают материалы ГАНИСО, партийная документация и переписка уездных (районных) евсекций со Смоленским губернским комитетом ВЛКСМ в 1920-х гг. велась в основном на идише³⁴. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. доминировать стал русский язык.

При этом маркером этноязыковой традиции в документах, составленных на русском языке, оказываются названия еврейских праздников и лексика из сферы религиозного культа. Эти названия представлены русской графикой с передачей особенностей произношения, что дает возможность не только зафиксировать наличие терминов на идише или иврите, но составить представление о локальных вариантах лексем.

31 Имя *Фоня* (*Афоня*) в еврейской среде использовалось в качестве собирательного обозначения русского (православного), имело и более узкое значение ‘русский солдат’. Наричательное *фонька* имело пренебрежительный оттенок. См.: *Амосова С. Н.* Как Копл стал Филаретом: шутки про смену имен в еврейской традиции // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2021: Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М., 2021. С. 186.

32 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 217.

33 ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 716. Л. 17.

34 См., например: ГАНИСО. Ф. 18. Д. 66 (Велижский р-н); Ф. 50. Д. 213 (обком ВЛКСМ Западной области); Ф. 140. Д. 507, 508, 601, 612, 716, 718 (Смоленский губернский комитет ВЛКСМ); Ф. 154. Д. 314 (Рославльский р-н).

В документах, касающихся проведения антирелигиозных кампаний, в идишской огласовке упоминаются осенние праздники «Судный день» («День искупления», «День всепрощения») – Йом-Кипур (иврит), «Праздник кущей» – Суккот (иврит), еврейский новый год – Рош-а-шана (Рош-ха-шана, иврит, букв. «голова года»).

В письме Смоленского губернского комитета Бохотскому волостному комитету ВКП(б) и ВЛКСМ от 16 сентября 1927 г. сообщается:

В начале октября наступают еврейские религиозные праздники «Рош-гашоно»³⁵, «Йом-Кипур» и «Сукес»³⁶. В эти праздники в синагоги приглашаются лучшие хористы – богослужители (хазоным³⁷), которые своим пением привлекают еврейскую массу. Праздничное время используется³⁸ также еврейскими агитаторами (магидым³⁹), которые нередко в своих выступлениях проводят контрреволюционные идеи. Как первые, так и вторые получают за свои выступления плату, от которой страдают карманы трудящихся еврейского населения⁴⁰.

Далее местному комитету предлагается принять меры и представить доклады о том, сколько получают «хазн» (т. е. хазан) и «Балтки»⁴¹ и сколько потрачено на водку.

Из протоколов заседаний евсекции Велижского уездного комитета ВКП(б):

В дни «Рош-Гашена» и «Йом Кипура» провести антирелигиозную кампанию. В дни «Сукеса» провести культнеделю по разработанному плану (протокол № 111 от 5 сентября 1922 г.)⁴².

35 Идиш.

36 Идиш.

37 *Хазан*, мн. ч. *хазаним* (иврит) – кантор в синагоге.

38 Так в документе.

39 *Магид*, мн. ч. *магидим* (иврит) – еврейский религиозный проповедник.

40 ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3688. Л. 1–1 об. Документ подписали зам. зав. АПО ГК ВКП(б) Рабинович, секретарь евсекции ГК ВКП(б) Прагер и секретарь ГК ВЛКСМ Жиц.

41 *Бааль ткия* (иврит) – тот, кто трубит в шофар на богослужении в синагоге в праздник Рош-а-шана (новый год). За разъяснение благодарю М. М. Каспину.

42 ГАНИСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 66. Л. 65.

В неделю «Сукеса» предполагается устроить культ-неделю по укреплению материальной и моральной базы еврейской школы (протокол № 112 от 13 сентября 1922 г.)⁴³.

В день «Иом-Кипура» организовать 1/Х юмористический вечер, а 3/Х научно-популярную лекцию на тему «Происхождение еврейских праздников» (протокол № 113 от 27 сентября 1922 г.)⁴⁴.

В отчете Еврейской секции Смоленского обкома ВКП(б) о проведенной антирелигиозной кампании среди трудящихся евреев (21 ноября 1929 г.) приводится такой факт:

В местечке Хиславичи имел место случай, когда одна работница одной артели сошла с ума после работы в «Иом-кипур», и верующие распространили слухи, что это случилось потому, что она работала в судный день и что это случится со всеми остальными⁴⁵.

Диалектные словоформы на идише встречаются и в документах ГАСО.

29–30 сентября 1933 г. в Смоленске работал I Общегородской Антирелигиозный слет евреев – «рабочих ударников промышленности, кустарно-промысловой и инвалидной кооперации». Слет был специально приурочен к празднику «Иом-кипера»⁴⁶.

В сентябре 1934 г. в г. Клинцы⁴⁷ в связи с наступлением осенних праздников разрабатывался план проведения антирелигиозной кампании «РОШ-ГАШОНО» и «ЕМКИПОР»⁴⁸.

43 Там же. Л. 56.

44 Там же. Л. 55.

45 ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 693. Л. 111. Документ был опубликован в отредактированном виде, в частности, интересующее нас название праздника передано (с ориентацией на книжную форму на иврите) как «Иом-киппур» (Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 168).

46 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 2703. Л. 44. В этом же документе имеется и другая диалектная форма названия праздника: «...ко дню “Иом-Кипура”. Это самый страшный день, когда агентура классового врага – клерикализм использует эти дни для своей контрреволюционной деятельности» (л. 46).

47 Ныне в Брянской области.

48 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 2703. Л. 57.

Согласно протоколу № 1 общего собрания трудящихся евреев г. Ярцево от 3 октября 1929 г. рабочие обязались «отработать в день РОШШОНА 6 октября в фонд постройки аероплана “Биробиджан”»⁴⁹.

Транслитерация названий еврейских праздников встречается и в местной печати. В газете «Коммунист» (печатный орган Рославльского горкома и райкома ВКП(б)) в 1923 г. упомянут праздник «ём-кипур»:

Еврейский рабочий клуб в Рославле имеет уже некоторые заслуги в борьбе с религиозными предрассудками еврейского населения. Уже в 1921 году, а затем 1922 году в «ём-кипур» (судный день), в самый «святой» еврейский праздник, Еврабклуб устроил удачные субботники по оборудованию клуба. Когда «набожные» прикидывающиеся или настоящие дурачки постились и возносили к потолку свои моления об удаче в «делах» своих, евреи коммунисты и сознательные беспартийные работали в поте лица над созданием культурного гнезда⁵⁰.

Еще два термина из области религиозных практик упоминаются в отчете Еврейской секции Смоленского обкома ВКП(б) о проведенной антирелигиозной кампании среди трудящихся евреев (21 ноября 1929 г.) в связи с еврейским новым годом, пришедшимся на 6 октября 1929 г.:

В гор. Рославле женщины – работницы одной артели (трикотажник), в числе 15, во время обеденного перерыва б/Х – ушли с работы в синагогу на «изкор»⁵¹ и раввин в своем докладе использовал этот момент для своей агитации. В 3-х колхозах были устроены «миненым»⁵², участвовали, главным образом, старики и женщины⁵³.

49 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 862. Л. 339.

50 Л. Р. Еврейская пасха на коммунистический лад // Коммунист. 1923. 31 марта, суббота, № 23 (443). С. 1.

51 Поминальная молитва.

52 *Миньян*, мн. ч. *миньяним* (иврит) – группа молящихся вместе взрослых евреев числом не менее десяти. В публикации документа название передано как «минены» (Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 168).

53 ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 693. Л. 111–111 об.

К сожалению, корпус таких текстов ограничен (но потому и ценен для исследователя межъязыковых контактов), поскольку в 1930 г. еврейские секции были распущены и их деятельность прекращена (прекратилась и соответствующая переписка в партийных инстанциях).

Представленный в статье материал является иллюстрацией принципов языковой и культурной коммуникации и механизмов освоения соседних языковых традиций в новых общественных условиях. Советская действительность, изменившая реальные и ментальные границы в русско-белорусском пограничном ареале, привела к трансформации языковых и ментальных стереотипов, отражающих опыт исторического соседства. Языковой фактор более не являлся главным маркером этнической само(идентификации) – в новом советском пространстве устанавливались новые правила взаимоотношения национальных языков.

Источники и литература

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).

Государственный архив Смоленской области (ГАСО).

Амосова С. Н. Как Копл стал Филаретом: шутки про смену имен в еврейской традиции // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2021: Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН; Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2021. С. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.11.

Белова О. В., Мороз А. Б., Ясинская М. В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М.: Неолит, 2023. 440 с.

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 478 с., ил.

Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б. С. С. Р. 1927. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/> (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь) (дата обращения: 08.02.2024).

Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы). Віцебск: Заря Запада, 1927 (переиздание – Менск: АРХЕ, 2011). 372 с.

Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/index.php#1937> (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь) (дата обращения: 08.02.2024).

Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / улажыў М. В. Шатэ́рнік. Менск: Выданьне Беларускае акадэміі навук, 1929. 317 с.

Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2018. С. 17–30.

Л. П. Еврейская пасха на коммунистический лад // Коммунист. 1923. 31 марта, суббота, № 23 (443). С. 1.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 5. 1927 г. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Комис. историков России и Финляндии, Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии, Александровский ин-т (Финляндия), Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США), Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада); ред. В. С. Христофоров и др. М.: [Б. и.], 2003. 804 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 6. 1928 г. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Комис. историков России и Финляндии, Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии, Александровский ин-т (Финляндия), Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США), Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада); ред. В. С. Христофоров и др. М.: [Б. и.], 2002. 804 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 10 в 3 ч. 1932–1934 гг. Ч. 1 / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2017. 656 с.

Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 годы. Документы и материалы / отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1994. 317 с.

References

Amosova, S. N. “Kak Kopl stal Filaretom: shutki pro smenu imen v evreiskoi traditsii.” *Kul'tura slavian i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiiia*. 2021: *Smekh i umor v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, ed. by O. V. Belova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh “Sefer”, 2021, pp. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.11

Belova, O. V., Moroz, A. B., Yasinskaia, M. V. *Slovo ustnoe i slovo pis'mennoe v iazyke etnokul'turnogo pogranch'ia*. Moscow: Neolit, 2023, 440 p.

Kanstyutysyia (Asnouny zakon) Belaruskae Satsyialistychnae Savetskae Respubliki. Mensk: Vydan'ne Tsentral'naha Vykanauchaha Kamitetu B. S. S. R. 1927. URL: [https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/\(Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'\)](https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/(Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus')) (accessed: 08.02.2024).

Kas'piarovich, M. I. *Vitsebski kraievy slounik (matar'ialy)*. Vitsebsk: Zaria Zapada, 1927 (Mensk: Arche, 2011), 372 p.

Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Belorusskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki. Minsk: BELPARTIZDAT TsK KP(b)B, 1937. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/index.php#1937> (Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus') (accessed: 08.02.2024).

Kraievy slounik Chervenshchyny, comp. by M. V. Shaternik. Mensk: Vydan'ne Belarускаie akademii navuk, 1929, 317 p.

Levin, V. “Smolenshchina: granitsy i pogranch'ie.” *Evrei pogranch'ia: Smolenshchina*, ed. by S. Amosova. Moscow: Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh «Sefer»; Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 17–30.

L. R. “Evreiskaia paskha na kommunisticheskii lad.” *Kommunist*, 31 Mar. 1923, No 23(443), p. 1.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 5 “1927”, ed. by V. S. Khristoforov et al. Moscow: [s. n.], 2003, 804 p.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 6 “1928”, ed. by V. S. Khristoforov et al. Moscow: [s. n.], 2002, 804 p.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 10 “1932–1934” (in 3 parts), part 1, ed. by A. N. Sakharov, V. S. Khristoforov. Moscow: IRI RAN, 2017, 656 p.

Sud'by natsional'nykh men'shinstv na Smolenshchine 1918–1938 gody. Dokumenty i materialy, ed. by D. I. Budajev. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1994, 317 p.

Zel'tser, A. *Evrei sovetkoi provintsii: Vitebsk i mestechki 1917–1941*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia, 2006, 478 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

O. V. Belova

**Over the barriers: the transformation of linguistic stereotypes
in the multicultural environment of the Western Region
and neighboring regions in the 1920s – 1930s**

Olga V. Belova

Doctor of Letters, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Citation:

Belova O. V. Over the barriers: the transformation of linguistic stereotypes in the multicultural environment of the Western Region and neighboring regions in the 1920s – 1930s // *Slavic almanac*. 2024. No 1–2. P. 205–226 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

Received 14.02.2024.

Revised: 15.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the linguistic situation on the ethnocultural borderland, which in the 1920s and 1930s turned out to be the territory of the Smolensk Province and (since 1929) the Western Region of the USSR, which included territories that previously belonged to the Smolensk, Bryansk, Kaluga and Tver provinces. This region, bordering Belarus to the west, has always been distinguished by a variety of ethnic, confessional and cultural traditions. The article examines the ethnic and language stereotypes that existed in the Russian-Belarusian-Polish environment, their transformation under the influence of state policies (change of administrative borders, processes of Russification, Belarusization); the situation with the Yiddish language that developed in the western parts of Smolensk region and in eastern Belarus deserves special attention. For the population of the border regions, language is the most important ethnocultural marker and a way of (self)identification, which is reflected in popular ideas about the different status of different languages, in the choice of the language of communication and education, in interlanguage interaction (lexical borrowings). In the chronological period under consideration,

the self-reflection by various groups, expressed in the form of statements and narratives about their own and the “others” language, became the object of attention of Communist party and state security organizations, which was reflected in the secret documents of the relevant institutions and organizations. The article is based on materials from the State Archive of the Smolensk Region and the State Archive of the Modern History of the Smolensk Region, reflecting various aspects of linguistic, ethnic and confessional interaction between representatives of various ethnocultural traditions in the territory of the Smolensk Province and the Western region of the USSR.

Keywords

Ethnic and language stereotypes, Russian language, Belarusian language, Polish language, Yiddish, linguistic acculturation, ethnocultural borderland.